

ОБ ОДНОЙ ЦИТАТЕ
ИЗ «НЕКАНОНИЧЕСКОГО» ПУШКИНА
У «КАНОНИЧЕСКОГО» ХЛЕБНИКОВА

ОЛЕГ ЛЕКМАНОВ

В последний раз в орлиный клекот
Вливается трамвайный рокот...

Борис Пастернак. «Зверинец»

Эта короткая заметка, тем не менее, состоит из двух разделов. В первом будет предпринята попытка обоснования выбора именно «Зверинца» в качестве канонического текста Велимира Хлебникова. Во втором — речь пойдет о функции одного пушкинского подтекста в «Зверинце»¹.

1. Руководствуясь какими основаниями, исследователь имеет право включить тот или иной текст в свод канонических произведений анализируемого им автора, отобранный читателями и Временем? Сразу же признаемся, что в случае с Хлебниковым отвечать на этот вопрос гораздо легче (и труднее), чем, скажем, в случаях с Лермонтовым, Некрасовым, Есениным, Пастернаком... Хлебниковские стихи в советское время никогда *не* входили в школьную программу, они крайне редко превращались в слова на музыку (исключение — «Жилец вершин» Леонида Федорова), цитаты из Хлебникова *не* выбирались названиями для произведений других популярных писателей, почти никогда строки нашего поэта *не* обыгрывались в заголовках газетных статей (ср.: [Лекманов 2005: 481–498]).

Строго говоря, как канонические, т.е. как известные всем, корректно было бы рассматривать не целые произведения

¹ Приношу глубокую благодарность друзьям, в первую очередь, Роману Лейбову и Андрею Немзеру, за важные подсказки.

Хлебникова, а отдельные хлебниковские строки, цитировавшиеся (часто — с искажениями) в историях литературы, учебниках и критических статьях в качестве выразительных примеров «футуристической зауми». Пусть Хлебникову «повезло» немножко больше, чем его соратнику, автору одной «канонической» строки («Дыр, бул, щыл») Алексею Крученых, но и хлебниковское «Бобэоби пелись губы, // Вээоми пелись взоры...» или «О, рассмейтесь смехачи! // О, засмейтесь смехачи...» легко продолжить наизусть смогут не так уж и многие.

Но мы все же попробуем указать на один канонический хлебниковский текст, опираясь на может быть шаткое, но не произвольное основание: частотность цитирования современниками и потомками. Как уже говорилось, это будет длинное стихотворение «Зверинец» (1909, 1911)².

Наверное, самый известный пример цитирования «Зверинца» — выбор его почти полного текста для эпиграфа к повести Виктора Шкловского «Зоо. Письма не о любви, или Третья Элоиза» (1923)³. И уже не только как текст Хлебникова, но и как эпиграф из Шкловского «Зверинец» воспринимался самыми разными прозаиками и поэтами, бравшимися составлять свои собственные «путеводители» по зоопаркам: от Маяковского, Пастернака и Маршака до Льва Лосева и Солженицына с его известным описанием алма-атинского зоосада⁴.

Из тех текстов, которые были написаны до повести Шкловского и содержат отсылки к «Зверинцу» в этой заметке обратим внимание на два — стихотворных. Исследователями и комментаторами уже отмечалось, что отсылки к хлебниковскому произведению содержит поэма «Младенчество» (1913–1918) Вячеслава Иванова, которому «Зверинец» был посвя-

² Разумеется, современники и потомки в своих стихах и прозе цитировали не только «Зверинец», но и другие произведения Хлебникова. Некоторые примеры см. в статье: [Новиков: 264–281].

³ Этот пример подробно разобран в новейшей монографии [Ямпольский].

⁴ Некоторые (но, конечно, далеко не все) примеры см. в сборнике: Зоопарк — детям. Ереван, <1944>.

щен. Но никто до нас и М. С. Петровского не обратил внимания на ироническое перепевание зачина стихотворения Хлебникова в знакомых каждому ребенку строках «старой-престарой сказки» «Крокодил» (1916) Корнея Чуковского⁵:

Там наши *братья*, как в аду —
В *Зоологическом саду*.
О, этот *сад*, ужасный *сад*!

Сравним с зачином «Зверинца»: «О, Сад, Сад! // Где железо подобно отцу, напоминающему *братьям*, что они *братья*, и останавливающему кровопролитную схватку» [Лекманов 2004: 49; Петровский: 44].

Однако самые интересные, на наш взгляд, подтексты из «Зверинца» обнаруживаются не в стихах, а в прозе. Мы имеем в виду такие прозаические сочинения, в которых воспроизводится или варьируется яркий анафорический синтаксис хлебниковского стихотворения. При этом лексические реминисценции (упоминания о зверях, зоосаде или даже прямое использование хлебниковских неологизмов и название имени поэта) без особого труда отыскиваются или в самих отрывках или в непосредственной близости от них.

Первый наш пример — фрагмент из «Охранной грамоты» (1930) Бориса Пастернака:

Я не буду описывать в подробностях, <...> <к>ак в ощущеньи, напоминавшем «шестое чувство» Гумилева, десятилетку открылась природа. Как первой его страстью в ответ на пятилепестную пристальность растения явилась ботаника. Как имена, отысканные по определителю, приносили успокоенье душистым зрачкам, безвопросно рвавшимся к Линнею, точно из глухоты к славе.

Как весной девятьсот первого года в *Зоологическом саду* показывали отряд дагомейских амазонок. Как первое ощущенье женщины связалось у меня с ощущеньем обнаженного строя, сомкнутого страданья, тропического парада под барабан. Как раньше, чем надо, стал я невольником форм, потому что слишком рано увидел на них форму невольниц. Как летом девятьсот третьего года в Оболенском, где по соседству жили Скрябины,

⁵ Здесь и далее курсив в цитатах везде мой. — О. Л.

купаясь, тонула воспитанница знакомых, живших за Протвой. Как погиб студент, бросившийся к ней на помощь, и она затем сошла с ума, после нескольких покушений на самоубийство с того же обрыва. Как потом, когда я сломал себе ногу, в один вечер выбывши из двух будущих войн, и лежал без движенья в гипсе, горели за рекой эти знакомые, и юродствовал, трясясь в лихорадке, тоненький сельский набат. Как, натягиваясь, точно запущенный змей, колотилось косоугольное зарево и вдруг, свернув трубою лучинный переплет, кувыркком ныряло в кулебячные слои серо-малинового дыма.

Как, скача в ту ночь с врачом из Малоярославца, поседел мой отец при виде клубившегося отблеска, облаком вставшего со второй версты над лесною дорогой и вселявшего убеждение, что это горит близкая ему женщина с тремя детьми и трехпудовой глыбой гипса, которой не поднять, не боясь навсегда ее искалечить.

Напомним, что в «Охранной грамоте» речь о Хлебникове заходит дважды.

Второй наш пример — фрагмент из мемуарной книги Бенедикта Лившица о русском футуризме «Полутораглазый стрелец» (1933):

Я не хочу останавливаться на подробном описании доморощенного отеля Рамбулье, где Сологуб неудачно острил и еще неудачнее сочинял экспромты, один из которых начинался буквально следующими строками:

Вот я вижу, там
Сидит Мандельштам...

Где автор тоненького зеленого «Камня», вскидывая кверху зародыши бакенбардов, дань свирепствовавшему тогда увлечению 1830 годом, который обернулся к нему Чаадаевым, предлагал «поговорить о Риме» и «послушать апостольское *credo*».

Где, переключаясь с ним, Гумилев протяжно читал в нос свой «Ислам» и подзадоривал меня огласить «Пальму праведника», вызывая во мне законное подозрение, что за настойчивостью акмеиста скрывается желание вывести на чистую воду *будетлянина* <неологизм Хлебникова. — О. Л.>, затесавшегося в чуждую ему среду.

Где, говоря о постановке блоковских драм в Тенишевке, Чеботаревская находила исполнительницу роли Незнакомки, двоюродную сестру моей невесты, слишком *terre á terre*, но восхища-

лась музыкой Кузмина, послужившей поводом к пытке звуком, которой подверглись все гости Зельмановой, когда Мозжухин потряс стены квартиры раскатами чудовищного баса.

Где его огромный, похожий на детское колено кадык, прыгал в вырезе крахмального воротника, как ядро, готовое разлететься на части в самом жерле гаубицы, и где Гумилев, не переносивший никакой музыки, в особенности когда она принимала характер затаянного бедствия, застыл в страдальческом ожидании ужина.

Напомним, что Хлебников является одним из главных героев «Стрельца», хотя в начале книги Лившиц определяет «Зверинец» как «чистое эпигонство». Правдоподобно объяснить, почему автор «Полутораглазого стрельца» в итоге подражает тому самому «Зверинцу», о котором он раньше столь нелицеприятно высказался, помогает фрагмент «Стрельца», располагающийся между хулой на «Зверинец» и его имитацией. Здесь рассказывается о том, как футурист Давид Бурлюк, впервые услышав от Лившица стихи Рембо, немедленно сочинил собственное подражание французскому поэту: «Как некий набожный жонглер перед готической мадонной, Давид жонглировал перед Рембо осколками его собственных стихов. И это не было кощунство. Наоборот, скорее тотемизм. Бурлюк на моих глазах пожирал своего бога, свой минутный кумир <...> Это заражало. Это было уже вдохновением». Вероятно, в отсылке Лившица к стихотворению Хлебникова нужно видеть профилактическое следование бурлюковскому рецепту освобождения от опасного влияния. «Путь Хлебникова был для меня запрещен», — констатировал Лившиц в воспоминаниях.

И, наконец, третий наш пример — это фрагмент из памфлетного мемуарного романа Валентина Катаева «Алмазный мой венец» (1978):

Вскоре, закончив водевиль, я покинул райскую страну, где рядом с крекинг-заводом сидели в болоте черные, как черти, *буйволы*, выставив круторогие головы, где местные наркомы в башлыках, навороченных на голову, ездили цугом в фаэтонах с зажженными фонарями по сторонам козел, направляясь в загородные духаны пировать, и их сопровождал особый фаэтон, в котором ехал шарманщик, крутивший ручку своей старинной шарманки, издавав-

шей щемящие звуки австрийских вальсов и чешских полек, где старуха-аджарка в чувяках продавала тыквенные семечки, сидя под лохматым, как бы порванным банановым листом, служившим навесом от солнца...

Напомним, что на одной из предыдущих страниц романа «зверино-зоркие глаза» Хлебникова видят «с улицы на прилавке букинистического магазина “Шарманку” Елены Гуро⁶ и “Садок судей”», в первом выпуске которого, добавим мы, «Зверинец» и был напечатан.

2. Среди нанизываний «Зверинца» внимательно присмотримся сейчас только к одному, располагающемуся ближе к концу текста: «Где орлы падают с высоких насестов, как кумиры во время землетрясения с храмов и крыш зданий».

Мы предлагаем увидеть в этом фрагменте реминисценцию из следующего пушкинского стихотворного отрывка, впервые опубликованного в 1855 г. П. В. Анненковым в его «Материалах для биографии А. С. Пушкина»:

Везувий зев открыл — дым хлынул клубом — пламя
Широко развилось, как боевое знамя.
Земля волнуется — с шатнувшихся колонн
Кумиры падают! Народ, гонимый страхом,
Под каменным дождем, под воспаленным прахом,
Толпами, стар и млад, бежит из града вон.

Как цитата из Пушкина работает на общую концепцию «Зверинца»? Для начала обратим внимание на то удивительное обстоятельство, что триада «бунт стихий — статуя — человек», подробно проанализированная в известной работе Ю. М. Лотмана, посвященной разбору отрывка Пушкина [Лотман: 293–299], оказывается для стихотворения Хлебникова в высшей степени значимой.

Что касается бунта стихий, то кроме прямо названного в нашем фрагменте «землетрясения», в соседнем нанизывании «полдневный пушечный выстрел заставляяет» все тех же

⁶ Не потому ли «старинная шарманка» упоминается и в процитированном фрагменте катаевского романа?

«орлов посмотреть на небо в ожидании *грозы*», а в одном из располагающихся выше нанизываний «Зверинца» грудь другой хищной птицы — сокола, сравнивается с «перистыми тучами перед *грозой*». О ж и в а ю щ а я с т а т у я, кроме «кумиров» из нашего отрывка, представлена в «Зверинце» нанизыванием, описывающим тюленя, который «скачет по полу», «подобный *чугунному памятнику*, вдруг нашедшему в себе приступы неудержимого веселья»⁷. В тесном соотношении с этими двумя членами триады в «Зверинце» изображается третий — ч е л о в е к. Не забудем, что в петербургском зоопарке «при саде» были устроены, собиравшие массу посетителей «увеселительная часть и буфет» [В управу: 2–3], против чего как раз в 1909 г. ополчились представители общественности города. Они гневно клеймили оккупировавших зоопарк (выступавших там на эстраде) «“знаменитых” дуэтистов, людей-рыб и людей-крокодилов», а также бесконечные проводившиеся в зоопарке «завтраки с музыкой, обеды с музыкой и без музыки, феерии и дивертисменты» [Вагнер: 18]⁸.

Триада «бунт стихий — статуя — человек» в творческом сознании позднего Пушкина, по Лотману, сформировалась как результат размышлений поэта над историческим процессом. Ровно то же самое, на наш взгляд, можно сказать и о стихотворении Хлебникова. В нем наблюдения за поведением животных перемежаются с горестными рассуждениями о «слишком ничтожном» настоящем России и с горделивыми — о ее прошлом. О настоящем: «Где нетопыри висят опрокинуто, подобно сердцу современного русского». О прошлом: «Где, вспоминая, что русские величали своих искусных полководцев именем сокола, и вспоминая, что глаз казака, глубоко запавший под заломленной бровью, и этой птицы — родича царственных птиц — один и тот же, мы начинаем знать, кто были учителя русских в военном деле».

⁷ Намек на монумент Александру III работы Паоло Трубецкого?

⁸ Ср. уже в зачине «Зверинца» о куда менее афишируемой составляющей жизнедеятельности людей в петербургском зверинце: «Где немцы ходят пить пиво. А красотки продавать тело».

Даже простое, безо всякого дополнительного комментария, цитирование фрагментов «Зверинца», в которых употреблены различные формы слова «русский» ясно показывает, что патриотическая тема былого величия родины чрезвычайно важна для стихотворения Хлебникова: «Где у австралийских птиц хочется взять хвост и, ударяя по струнам, воспеть подвиги русских»; «Где мы сжимаем руку, как если бы в ней был меч, и шепчем клятву: отстоять русскую породу ценой жизни, ценой смерти, ценой всего»; «Где красная, стоящая на лапчатых ногах утка заставляет вспомнить о черепахах тех павших за родину русских, в костяках которых ее предки вили гнезда»⁹.

Первая из причин бедственного положения современной России — поражение в русско-японской войне — у Хлебникова прямо упоминается: «Где в малайском медведе я отказываюсь узнать сосеверянина и вывожу на воду спрятавшегося монгола, и мне хочется отомстить ему за Порт-Артур». Вторая причина — революция 1905 года — у Хлебникова подразумевается. Намек на 1905 г. содержится, например, в том хлебниковском нанизывании, в котором царь зверей — лев (предстающий в облике златогривого Вячеслава Иванова) возмущается панибратством пролетария-сторожа: «Где косматовласый “Иванов” вскакивает и бьет лапой в железо, когда сторож называет его “товарищ”». Но еще важнее с этой точки зрения как раз наш отрывок, в котором «орлы» (символ самодержавия) «падают с высоких насестов, как кумиры во время землетрясения с храмов и крыш зданий». Вместо реального комментария к этому фрагменту, отметим теперь, что эмблемы с двуглавым орлом в дни революции 1905 г. повсеместно сбивались восставшими с ворот, дверей и крыш домов. Кроме того, в революционной печати этого времени большое распространение получили карикатуры, изображавшие двуглавого орла в виде двухголовой курицы (сравним в нашем нанизывании, описывающем, как орлы «падают с <...> насестов»).

⁹ В последнем примере можно усмотреть переключку с финалом пушкинской «Песни о вещем Олеге».

Включая в текст легко опознаваемую цитату из Пушкина, автор «Зверинца», по-видимому, отсылал читателя к ситуации глобальной исторической катастрофы, воспроизведенной в пушкинском стихотворении. Тем самым Хлебников подготавливал финал своего произведения, в котором возникает мотив стихийного бедствия, символизирующего еще один героический катаклизм в истории России: «Где в зверях погибают какие-то прекрасные возможности, как вписанное в часослов Слово о полку Игореве *во время пожара Москвы*»¹⁰.

ЛИТЕРАТУРА

- Вагнер: <Вагнер В. А.> О желательной реорганизации Зоологического сада. Доклад правления Лиги Образования С-Петербургской городской Думе. СПб., 1909.
- В управу: В С.-Петербургскую городскую управу. СПб., <1909>.
- Лекманов 2004: Лекманов О. А. О двух пародиях на «Зверинец» В. Хлебникова // Русская речь. 2004. № 4.
- Лекманов 2005: Лекманов О. Русские модернисты — «соавторы» заголовков московских газет (1985–1995) // Новое литературное обозрение. 2005. № 71.
- Лотман: Лотман Ю. М. Замысел стихотворения о последнем дне Помпеи // Лотман Ю. М. Пушкин. СПб., 1995.
- Новиков: Новиков Вл. Хлебников и современная русская поэзия // Национальная премия «Поэт». Визитные карточки. М., 2010.
- Петровский: Петровский М. Книги нашего детства. СПб., 2008.
- Ямпольский: Ямпольский М. «Сквозь тусклое стекло»: 20 глав о неопределенности. М., 2010.

¹⁰ Разговор об использовании «чужого слова» в «Зверинце» можно было бы продолжить и показать, например, как с помощью внятной отсылки к канонической строке Некрасова («От ликующих, праздно болтающих...») Хлебниковым осуждалась российская либеральная интеллигенция: «Где, войдя в душную обитель, в которой трудно быть долго, я осыпаем единодушным “дюрьяк!” и кожей семян *праздных* попугаев, *болтающих гладко*».